

Продолжение культового романа «Таурег»

ТАУРЕГ 2

Альберто
ВАСКЕС-ФИГЕРОА

18+

Впервые на русском языке!

Библиотека приключенческого романа (Рипол)

Альберто Васкес-Фигероа

Туарег 2

«РИПОЛ Классик»

2000

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)6-44

Васкес-Фигероа А.

Туарег 2 / А. Васкес-Фигероа — «РИПОЛ Классик»,
2000 — (Библиотека приключенческого романа (Рипол))

ISBN 978-5-386-14605-4

День, когда Гасель Сайях погиб, вошел в историю и стал началом новой легенды. Легенды о силе духа и борьбе за выживание. Семья Охотника подвержена гонениям и нигде они не могут обрести покой. Казалось, после многих лет скитаний, забрезжила надежда, но пустыня слишком безжалостна и голодна до человеческих жизней. С приходом французов под угрозой оказывается единственный источник жизни для туарегов – вода. Ралли-рейд – развлечение для чужеземцев и трагедия для кочевого племени. Бессмысленная гонка, загрязняющая окружающую среду и уничтожающая все вокруг. Чтобы остановить ее, туареги готовы на все.

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)6-44

ISBN 978-5-386-14605-4

© Васкес-Фигероа А., 2000
© РИПОЛ Классик, 2000

Содержание

Введение	6
Туарег 2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Альберто Васкес-Фигероа

Туарег 2

© Alberto Vazquez-Figueroa, 2000

© Станчук В. В., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2022

© Оформление. Т8 Издательские технологии, 2022

РИПОЛ
КЛАССИК
2022

Введение

Этот роман является тем, к чему мне совсем не хотелось возвращаться.

Почти двадцать лет назад, завершив работу над романом «Туарег», я вполне логично посчитал, что уже нет никакой возможности продолжить эту историю, поскольку главный герой романа – Гасель Сайях – погиб.

Но у меня оказалось более чем с избытком причин, чтобы раскаяться в том, что его убили, так как «Туарег» со временем оказался самым успешным и самым издаваемым моим романом, переведенным на самое большое число языков и доставившим мне наибольшее личное удовлетворение.

С моей точки зрения, роман является моим единственным литературным произведением, достойным внимания, и, возможно, при небольшом везении он будет востребован и после моей смерти.

Когда у писателя что-либо выходит хорошо, ему не следует анализировать причины своего триумфа, чтобы использовать ту же самую формулу в поисках нового успеха, ибо он рискует повторить самого себя, что читатель тут же замечает и отторгает. Поэтому мне никогда не приходила в голову мысль снова вернуться к теме туарегов.

Тем не менее серия неожиданных событий, которые произошли не так давно в сердце Сахары и которые своим происхождением обязаны якобы спортивным соревнованиям, привлекли мое внимание. Все еще живущий во мне дух журналиста напомнил старые и не всегда добрые времена, побудив меня к публикациям о бесчисленных случаях беззакония и своеволия, которым подвергаются самые достойные народы планеты, существование которых овеяно многими мифами.

Туареги, в среде которых я провел большую часть моего детства, явно нуждаются в том, чтобы кто-нибудь да подал свой голос в их защиту.

В память о том многом, чем я им обязан, и о том, чему они научили меня когда-то, я принял решение вновь написать о них, продолжив нить истории на том месте, где в один из дней я распрощался со своими героями.

Вот таков результат, и я должен признаться, что, завершив работу, испытал точно такое же удовлетворение, какое испытал в тот день, когда закончил самый дорогой мне роман.

Альберто Васкес-Фигероа

Туарег 2

День, когда Гасель Сайях погиб, изрешеченный пулями личной охраны президента Абдуля эль-Кебира, вошел в историю печальным фактом. Демократии так и не удалось окончательно установиться в его стране, однако всей своей жизнью храбрый воин, ставший легендой народа Кель-Тальгимус, неоспоримым образом продемонстрировал, что имохаг, как обычно называли себя сами туареги, вооруженный лишь смекалкой, способен нанести поражение до зубов вооруженным армейским подразделениям благодаря знанию пустыни, в которой он родился и в которой прошла большая часть его жизни. Ну и, конечно, благодаря выносливости, которая у имохагов в крови.

Холодными ночами, когда жители пустыни собираются вокруг костра, чтобы выпить кофе и поведать истории о прекрасных временах, канувших в прошлое, любили поговорить о почти мистических приключениях отважного воина, который сумел защитить незыблемые устои маленького народа. Говорили и о том, что привело его к убийству человека, ради которого он столько раз рисковал жизнью и который был его наилучшим другом.

– *Инша Аллах*, – обычно приходили к выводу. – Аллаху видней.

Однако для значительного большинства сидевших у костра речь шла не о воле Аллаха, а о капризе судьбы или о жестоких проделках демонов песка, которые, по всей вероятности, испытывали ревность, обнаружив, что простой смертный лишил их роли главных действующих лиц в тысячах историй, передаваемых из уст в уста.

Подвиги Гаселя Сайяха вынудили пролить реки чернил и даже вдохновить кое-кого на книгу. Память о бесстрашном Охотнике делала его живым, как будто он сам сидел в кругу у костра.

Однако в день, когда мужественный имохаг был повержен силами, во сто крат его превосходящими, мнение его соплеменников разделилось на две части. Одни возненавидели его из-за выстрела в человека, который мог бы принести мир и свободу их родине. Другие продолжали восхищаться им как настоящим героем, которого удалось победить только из-за его же ошибки. Оно и понятно, ведь Охотник находился в чужом для него городе, где он так и не научился вести себя.

После его гибели в президентском дворце установилась самая коррумпированная из коррумпированных диктатур – та, против которой Гасель Сайях столь отчаянно сражался. Обиженные генералы, которые столько раз были унижены «этим грязным дикарем», издали указ, что «всякий, кто так или иначе связан с его именем или с его личностью, будет стерт с лица земли».

Вследствие этого жена и дети Охотника вынуждены были бесконечно скитаться по дюнам и каменистым равнинам. Иногда их любезно принимали у себя сочувствующие, но чаще прогоняли, будто они были прокаженными.

Трудные годы закалили характер некогда нежной Лейлы, троих ее сыновей: Гаселя, Ахамука и Сулеймана, и даже маленькой Аиши, – им пришлось провести большую часть своего детства на верхушке горба дромедара.

Туареги всегда были народом кочевым. Но для семьи погибшего Гаселя Сайяха кочевье превратилось в проклятие, ибо, как оказалось, не было никаких возможностей продержаться более трех месяцев на одном и том же месте. Чуть засидишься, кто-нибудь из бесчисленных врагов начинал строить козни.

Тем не менее им удалось прожить в относительно покое почти два года, когда они, покинув привычную среду, поселились на окраине одного многолюдного города, где легко было затеряться. Однако семейство тосковало по пустыне, да и к тому же здесь их тоже могли найти.

– Уж пусть лучше нас убьют в песках, там хоть воздух чистый, – вздохнула однажды Лейла. – Я больше не выдержу на этой вонючей свалке.

Дети давно уже разделяли ее мнение, а посему вскоре семейство снова отправилось в путь. В конце концов они пришли к заключению, что убежищем для них может стать дальний уголок пустыни Тенере – «Ничто» на их диалекте, куда даже сами туареги не отваживались забредать.

– Подыщем уединенное местечко, где спрячемся на несколько лет. А там, глядишь, правительство сменится или память злых людей улетучится.

Старцы *Кель-Тальгимуса*, к которым они тайком обратились, поддержали идею, сознавая, что никто из их народа не сможет жить в мире, пока тень Сайяха будет витать в окрестностях. Они даже снабдили семейство двадцатью самими выносливыми верблюдами и двумя дюжинами овец и коз, а чтобы обосноваться на новом месте, передали Лейле несколько маленьких мешочков с наилучшими семенами.

И вот на рассвете в начале зимы семь членов семьи и горстка верных слуг пустились на юг, в поисках той самой Земли обетованной, про которую они пока ничего не знали.

Целых пять месяцев они скитались по безлюдной пустыне, держась подальше от караванных путей и избегая, по возможности, селения и оазисы. Останавливались лишь в тех местах, где произрастала хоть какая-то растительность, чтобы прокормить с каждым разом убывающее стадо.

Наконец в одно знойное утро в начале лета они подошли к горному массиву из темных скал, откуда их взору предстал огромный амфитеатр, повернутый в сторону южных равнин. Изучив его тем пытливым взглядом, какой бывает у тех, кто каждую секунду ждет опасности, путники сошлись во мнении, что под руслом пересохшей *секин* еще может быть вода – выжили же три запыленные пальмы, дающие скудную тень.

– Чтобы сделать колодец, рыть придется долго, – вздохнув, сказала Лейла.

– Докопаемся, – успокоил мать Сулейман, который давно уже из мальчика превратился в широкоплечего мужчину. – Будет трудно, но если мы найдем воду, то это место, похоже, то, что надо.

Старая истина гласит: «Макушку пальм припекает солнце, а корни тянутся к воде». Чтобы добраться до воды, разумным было приглядеться к пути, указанному корнями самой большой из них.

На рассвете следующего дня братья принялись за дело. Они готовы были пробиться к самому сердцу земли, осознавая, что если не найдут желанную ниточку воды, то жизнь всех повиснет на волоске, поскольку ближайший колодец находился в четырех днях пути, а запасы воды в баклажках-гирбах иссякали.

В самый полдень, когда жара становилась нестерпимой, приходилось делать перерыв и дожидаться наступления сумерек. А потом они решили копать холодными ночами, сменяя друг друга.

Долбили и долбили, отказавшись от мысли двигаться дальше. Горло колодца было довольно широким – около трех метров в диаметре, но внизу мог находиться только один из братьев. Истекая потом, он наполнял песком и мелкими камнями корзины, которые поднимали очень осторожно, чтобы не зацепить стены колодца и не вызвать обвала.

Грунт был пересохшим – только Аллаху ведомо, когда здесь в последний раз пролился дождь. Песок так и сыпался. Пришлось откалывать в горах черные плиты и укреплять ими стенки, иначе беда.

Без нужного инструмента, без известкового раствора работа была адской, и хорошо еще, если удавалось углубиться на полметра в день. Все дошли до крайнего изнеможения, и наконец старший из братьев был вынужден признать, что цели им не достичь. Может, тут и есть вода, но жажда скорее расправится с ними поодиночке.

– Самое лучшее, что мы сможем сделать, пойти за водой, – сказал он. – Двое из нас отправятся к колодцу *Сиди-Кауфы* и возвратятся с тем, что только смогут вместить *гирбы*, иначе мы все тут помрем.

– А скот? – задала вопрос Лейла.

– Отведем в горы, будут слизывать росу, которая оседает на камнях по утрам, – не слишком уверенно ответил Гасель. – При небольшой удаче верблюды и козы выдержат.

– А овцы?

– Овцы, овцы... Все зависит от воли Аллаха, но, думаю, большую часть мы потеряем. Вода всем нужна.

– А кого мы отправим к колодцу?

– Двух наших наилучших наездников с шестью наилучшими верблюдами. В пути им не придется отдохнуть ни единой минуты, и только они справятся.

Все знали, что наилучшим наездником почти с тех пор, как научился держаться в седле, был второй из братьев – Ахамук, и единственным, кто мог посоревноваться с ним в ловкости и выносливости, был великан Рашид, старший внук Суилема, негра, служившего семье.

Спустя полчаса оба уже были в пути, взяв с собой одnogорбых белых *мехари*, верблюдов, приспособленных для верховой езды. Эту породу создали туареги и страшно гордились ими.

Когда они наконец скрылись из виду, двигаясь в сторону севера, Гасель покачал головой.

– Не знаю, возвратятся ли ко времени, – грустно сказал он. – Чует мое сердце, это будет не последний их поход...

– Что ты этим хочешь сказать? – обеспокоенно спросила Аиша. – Ты думаешь, что нам не добраться здесь до воды?

– Боюсь, что да... – вмешался Сулейман, особой словоохотливостью никогда не отличавшийся. – У меня такое впечатление, что прорыть придется еще тридцать метров.

– Тридцать метров... – округлив глаза, повторила девушка. – Да ты хоть соображаешь, что это за глубина? Да там дышать невозможно!

– Ты права, – кивнул брат. – Мы еще не прошли и половину этого, а меня охватывает чувство, будто я задыхаюсь. Не хочу и думать о том, что будет глубже, однако скажи мне: разве у нас есть выбор?

– Может, нам лучше покинуть это место?..

– И возвратиться в город? – уныло произнес Гасель. – Снова бродяжничать, будто мы прокаженные? Никому до нас дела нет, малышка. О семье Сайях никто и знать не хочет, и мы не можем заставить людей, чтобы нас приняли. Однако мы можем заставить пустыню, чтобы она нас приняла, пусть даже ради этого придется докапываться до самого центра земли.

– А если мы никогда не докопаемся?

– Докопаемся. – Голос брата обрел уверенность. – Если пальмам удалось до воды добраться, то и мы сможем.

– Правда-правда?

– Да, Аиша. Потому что в день, когда имохаг не сможет сделать то, что смогли сделать пальмы, наша раса будет обречена на исчезновение. А этот момент еще не настал.

– Но у пальм есть корни, а у нас нет.

– Корни нашего народа куда глубже, и они крепко вцепились в эту землю, – вступила в разговор Лейла. – Ваш отец всегда говорил, чтобы я передала детям эту истину. Если бы он не был уверен в том, что пустыня никогда не предаст, он бы не смог победить целую армию.

И Лейла, и дети не сомневались в том, что взор Гаселя Сайяха постоянно устремлен на каждого из них. Их отец, вместо того чтобы наслаждаться тысячами удовольствий, которые обещаны тем, кто встает на защиту веры, продолжал вести по жизни продолжателей своего рода.

Если есть хоть капля воды под корнями жухлых пальм, Охотник нашел бы ее. А посему на его детях лежала обязанность сделать так же.

С заходом солнца все снова приступили к работе.

Это действительно была изнурительная работа.

Тот, кому по жребью выпадало находиться на дне колодца, копал руками, постоянно заботясь о том, чтобы не случилось оползня. Загружал корзину песком, громко кричал, чтобы ее подняли, потом обкладывал стены камнями. Проходили часы, прежде чем ему удавалось углубиться хотя бы на локоть.

Когда изнуренный и пропитанный потом Сайях поднимался на поверхность, другой Сайях занимал его место. Шаг за шагом, сантиметр за сантиметром братья продолжали копать, преодолевая усталость и жажду.

Слуги могли бы им помочь, но так как этот колодец должен был стать колодцем туарегов, вниз они не спускались. Но и им работы хватало: слуги поднимали тяжелые корзины, ходили в горы за каменными плитами, которые приходилось тащить на собственных спинах... Трудились все, и тем не менее настал момент, когда рассудительная Лейла приняла решение прекратить работу, потому что воды осталось совсем мало – чуть больше трех баклажек, и сколь бы ни были выносливы люди, всему есть предел.

Принесли в жертву одну из овец, которая вот-вот должна была умереть своей смертью, напились ее крови, пообедали почти сырым мясом и, устремив взоры в точку, откуда должны были появиться те, кто отправился за водой, стали ждать.

Но кто появился, так это стервятники.

Нетрудно было догадаться, что там, откуда они появились – в затерянном уголке Сахары, – разыгралась трагедия. Стервятники прилетели, напировавшись вдоволь, а теперь надеялись поживиться и здесь.

Поживиться?

Для истинного туарега умереть от жажды было позором. Если такое случалось, это говорило об одном – он не усвоил уроков предков. Пустыня была домом туарегов, а разве хозяева не знают, где в их доме вода? Умерших от жажды в загробном мире наверняка встречают презрением и насмешками: а был ли ты туарегом, слабак? Почетно было умереть в бою или в сражении со зверем. Болезнь тоже не считалась позором, ибо болезни насылает Аллах, но чтобы жажда сломила туарега... Это было немислимо!

Прошел еще один день.

Затем еще один.

Слетелись новые стервятники. Кружили и кружили в знойном белом небе.

Три чахлые пальмы застыли – в этом проклятом месте не было даже ветра, чтобы пошевелить их листья.

Солнце и тишина.

И Смерть, которая пока еще не решилась кого-то из них увести за собой.

Лейла распределила оставшуюся воду – черпачок каждому, и семье, и слугам. Когда из баклажки была выжата последняя капля, она издала глубокий вздох и тихо произнесла:

– Аллах велик, да будет славен он! Теперь остается одно – ждать.

И они ждали.

Ждали...

Ждали...

Смерть тоже ждала.

Несмотря на то что была стара как мир и даже старше этого мира, прежде всего, она была женщиной, а посему капризной.

Смерть любит развлекаться тем, что приходит раньше времени за людьми здоровыми и крепкими. Они-то думают, что их ждет прекрасное будущее, но как бы не так. Смерти виднее, где поставить точку. Но, конечно, чаще ей достается легкая работа.

Уж чего проще – дунуть, чтобы загасить едва теплящийся фитилек. Но и тут она могла быть капризной. Встанет в ногах больного, послушает мольбы о том, чтобы наконец положить конец страданиям, – и уйдет восвояси.

А сколько раз она насмехалась над самоубийцами, которые, можно сказать, делали ей подарок. Не нужен ей такой подарок – пусть еще помучаются, может, научатся ценить то, чего у них раньше было вдосталь.

Зато она силком волокла за собой тех, кого ужасало следовать за ней.

В Смерти самое плохое то, что она одинаково питает отвращение к тем, кто ее любит, и к тем, кто ненавидит.

Она преследует тех, кто от нее бежит, и сама бежит от тех, кто гонится за ней.

Ни один человек за долгие века так и не сумел понять ее мрачного юмора.

И нет ни одного, кто сумел бы обмануть Смерть.

Гасель Сайях, первенец легендарного имохага, от кого он по обычаю предков унаследовал имя и ранг вождя, сидел у подножия самой большой пальмы, наблюдал за кружением стервятников и задавал самому себе одни и те же вопросы:

«Для чего Смерть отправила к нам крылатых посланников, если сама решила пока не появляться?»

«Где она прячется?»

«Чего она ждет?»

Время от времени он закрывал глаза, пытаясь отгадать, что бы предпринял его отец?

Забить одного из верблюдов, выпить кровь, съесть жир из горба, без сомнения, было бы неким решением. Однако он очень хорошо понимал, что ни женщин, ни детей, ни старого Суйлема это не спасет.

Больше всего его мучило, что выпавшее на их долю испытание может оказаться не по силам и ему самому, восемнадцатилетнему, и его братьям. Сулейману только что исполнилось шестнадцать. Хороший возраст, чтобы стать воином. Но ни у кого из них не было опыта.

В отсутствие воды трудно продержаться. Солнце жжет так, что плавятся камни. Его мать, Аиша, истощенные слуги угасают на глазах.

Мать права, единственное, что они могут сделать, – верить в благоволение Аллаха.

И ждать.

Ждать...

Ждать...

Даже мухи на сухих шкурах не шевелились, силы были только у стервятников, паривших в небе.

Тот скалистый массив, где они остановились, по всей вероятности, не был отмечен ни на одной из карт. Одно несомненно – он находился неподалеку от того места, где регистрировалась самая высокая температура на планете: плюс 58 градусов¹. Пустыня в пустыне – ни один нормальный человек не будет сооружать тут очаг. Однако обстоятельствам было угодно, чтобы именно в этом месте остановилась семья Гаселя Сайяха.

Все они находились в предсмертном трансе.

Стервятники закрывали небо.

Кровь в венах сгустилась до состояния магмы, когда та, бурля, сползает вниз из жерла вулкана.

¹ Температурный рекорд был зафиксирован 13 сентября 1922 года в Эль-Азизии (Ливия). В этот же день плюс 58,4 градуса в тени показывали термометры в Саудовской Аравии. – *Здесь и далее примеч. ред.*

Они уже не потели – нечем было потеть.

Лейла закрыла глаза, в который раз вспоминая обветренное лицо мужчины, которого любила больше всего на свете и даже в мыслях оставалась верна ему.

В тот день, когда ее муж покинул лагерь, он доверил ей своих детей. Но получилось так, что она не сумела позаботиться о них должным образом. После многих лет скитаний они оказались здесь, в полушаге от смерти, и ей не приходило в голову, что предпринять.

Ах, Гасель, Гасель, ты бы спас свою семью.

Ее самый нежный, самый храбрый, самый сильный мужчина смог бы защитить ее, как защищал, пока был жив. И ее, и детей.

А сама она, хоть и прислушивалась всегда к своему учителю, оказалась ни на что не способной.

Лейла не плакала – так ее научила мать: настоящая *тарги* – женщина, жена и мать – никогда не плачет.

Она не взывала о помощи, ведь в ее венах текла кровь многих поколений имохагов.

Она лишь молча проклинала свою собственную бездеятельность.

Вдруг донесся раскат далекого грома.

Она внимательно прислушалась.

Последовал новый раскат.

Лейла выбежала из большого шатра из верблюжьей шерсти и уставилась в небо: ни единого облачка.

– Это гром?

Ее сын, Гасель, подошел к ней, едва заметно мотнул головой и нежно погладил по щеке.

– Нет, не гром, – тихо произнес он. – Это выстрелы, которыми Ахамук извещает о своем появлении. Они вскоре покажутся из-за скал.

И правда, несколько минут спустя показались всадники.

Им на своем пути тоже довелось столкнуться со Смертью, но она решила пощадить их.

Стервятники разлетелись, их тень была заменена тенью Гаселя Сайяха – мужественного имохага.

В полночь его дети возобновили работу.

Только туареги могли быть настолько безумны, чтобы отчаянно попытаться найти воду в столь отдаленном месте пустыни. Но, наверное, именно поэтому туареги, сколько помнили себя, были хозяевами Сахары.

Сантиметр за сантиметром они долбили землю.

Камень за камнем укладывали в стенки.

Метр за метром следовали в направлении, указанном корнями пальмы.

Они были уверены: если эти пальмы все еще стоят, значит, им есть где черпать жизнь.

Где бы ни пряталась вода, они доберутся до нее.

* * *

В одну из ночей, когда Ахамук работал на глубине чуть меньше двадцати пяти метров, один из камней, уложенных выше в стенку, сорвался и упал ему на голову. Не успев даже вскрикнуть, юноша потерял сознание.

Из выемки, оставленной камнем, заструился песок. Сначала тоненькими струйками, потом все сильнее и сильнее.

Наверху слуга, поднимавший грузные корзины, не заметил ничего необычного. Он и звука удара не слышал.

Песок продолжал сыпаться, отмеряя оставшееся Ахамуку время жизни.

Вначале ему засыпало ступни, потом колени, и вот уже холодный песок добрался до поясицы.

Смерть тут же встрепенулась, ее явно развлекало случившееся. Уселась на краю колодца и прислушалась к едва слышному шороху песка.

Жизнь Ахамука утекала.

Еще немного, и он был засыпан по грудь.

В этот момент он открыл глаза и слабо вскрикнул.

Слуга тут же посмотрел вниз, однако, кроме темноты, ничего не увидел. Небольшой факел, что был у юноши, давно уже поглотил песок.

Из глубины колодца донесся стон, и слуга, не раздумывая, бросился будить хозяев. Гасель тут же спустился на помощь брату, а песок уже добрался до подбородка.

Подхватив Ахамука под мышки, Гасель дернул, в попытке вытащить брата из ловушки, но ничего у него не вышло, а песок продолжал сыпаться и сыпаться.

Присев у ямы на корточки, Смерть довольно ухмылялась. Пора бы уже показать им свой лик. Но какова кончина! Не каждый день ей удавалось избежать рутины в своей работе.

На дне колодца, в котором не было ни капли воды, почти без воздуха, в темноте, осыпаясь потоками песка, Гасель Сайях ничего не мог сделать для спасения жизни своего младшего брата.

Когда он это понял, обнаружил вдруг, что его и самого изрядно засыпало песком. Не выберется – будет погребен заживо.

Туареги по обычаю дают колодцам имя того, кто первым умер во время их сооружения. Ну а если по какой-то счастливой случайности – ох, и редко это бывало! – работа завершалась благополучно, без жертв, то в благодарность присваивалось имя какого-нибудь святого, похороненного поблизости.

Понятно было, что этот колодец получит имя Ахамука, а святых в этих местах отродясь не хоронили.

Оставшимся братьям понадобилась целая неделя, чтобы заделать брешь, вытащить песок и достать тело погибшего. Без всяких церемоний юношу погребли в тени пальм.

А тут новая напасть. Вода, которую привез Ахамук, была израсходована раньше времени.

– Ну что же, придется идти во второй раз... – вздохнула Лейла.

– Да, мама... – сказал старший сын. – Но нас теперь только двое осталось, и если один из нас отправится за водой, второй надорвется, работая сутками.

– Я доставлю воду, – неожиданно заявила Аиша. – Как наезднице мне, конечно, далеко до Ахамука, но теперь будет легче, ведь Рашид знает дорогу.

Гасель обернулся и посмотрел на великана, стоявшего у входа в шатер.

– Помнишь дорогу? – ограничился он вопросом.

– Да, мой господин, – ответил негр.

– И Аишу сумеешь защитить?

– Сумею, мой господин.

– Если ты оплошаешь, демоны *гри-гри* будут преследовать тебя повсюду, даже в аду не спрячешься.

– Понимаю, мой господин.

– В таком случае мы, Сайяхи, доверяем тебе самое ценное, что у нас есть. И да пощадит тебя Аллах, если через десять дней вы с моей сестрой не вернетесь целыми и с водой.

Глядя, как удаляется ее дочь, одетая в мужскую одежду, с ружьем, лежащим поперек коленей, Лейла нахмурилась. Приближались беспокойные времена, когда вплотную надо заниматься приданым, роль воина не для девушки, а тем более такой хрупкой.

Женщины туарегов, в отличие от других арабских женщин, пользовались большими свободами. Они не прятали свое лицо, в отличие от своих мужчин², и если закрывали его, то только чтобы спасти от колючего песка во время сильного ветра. С мнением женщин считались в племени. Не матриархат, конечно, но именно женщины решали, когда наступала пора сева или когда следовало сворачивать лагерь в поисках новых пастбищ. Женщины могли сами выбирать себе мужей, и даже более того – их не закидывали камнями, если они находили замену своему мужу или парню.

Мужчины были воинами и охотниками, и Лейла утешала себя тем, что поиски воды – это, в общем-то, задача, припасенная для женщины. Аиша выросла в седле и умела стрелять не хуже, чем ее братья. Уж она-то сможет постоять за себя. Да и кому из коренных обитателей пустыни придет в голову причинить вред девушке.

Успокаивало и то, что Рашид, хоть и был из касты рабов, воспитывался в лоне семейства, так что его верность была вне всяких сомнений. А уж при его-то силе он мог противостоять любому, кто встретится на их пути.

И все же Лейла не могла чувствовать себя спокойной.

«Аллах велик! – произнесла она в душе. – Он защитит Аишу».

Гораздо больший страх обуревал ее, когда один из сыновей спускался ночью в колодец. Из-за этого она и спать не могла – сидела и прислушивалась. Еще одной потери ей не пережить, хоть и говорят, что *тарги* сильные.

Через пять дней Аиша и Рашид благополучно вернулись.

Колодец между тем углублялся очень и очень медленно. Братья работали с осторожностью, опасаясь обвала. Но разве предусмотрит все?

На тридцатиметровой отметке их поджидала неожиданность. У пальм нет центрального стержневого корня, вместо него – хаотичное сплетение придаточных корней, развивающихся в основании ствола и ползущих по сторонам. А тут вдруг они наткнулись на толстый корень, отклоняющийся к югу.

И что это?

В голову приходили самые разные объяснения. Наконец пришли к выводу, что раньше, много десятилетий, а может, и веков назад здесь зеленел оазис. Но потом вода ушла, и солнце убило всю растительность. Этот корень каким-то чудом сохранился, и наверняка он приведет их к воде. Им-то, корням, виднее, где находится влага.

– Мы копаем правильно, – убежденно заявил Сулейман. – Тут есть вода. Только мы не знаем, сколько еще копать.

– И что ты предлагаешь?

– Будем рыть, следуя за этим корнем.

– Да и так роем и роем. Сколько еще рыть-то?

– Не имею ни малейшего представления.

– Да поможет нам Аллах!

– Давно бы стоило помочь! – усмехнулся Сулейман.

– Не богохульствуй! – одернула его Лейла.

– Стараюсь, мама... Но с того проклятого дня, когда наш отец дал приют двум умирающим, несчастья преследует нас повсюду, куда бы мы ни направлялись. Как по мне, иногда стоит пренебречь древними обычаями.

– Ты прекрасно знаешь, что гостеприимство у туарегов – не только древний обычай. Это закон, через который нельзя переступить.

– Я согласен с тобой, мама, но почему-то никто, кроме имохагов, этот закон не соблюдает. За время, что мы провели в городе, ни один человек не открыл нам дверей своего дома.

² Туарегам-мужчинам положено закрывать лицо частью *тагельмуста*, головного убора, оставляя только глаза.

Сколько ночей мы были вынуждены провести под открытым небом, и это при том, что в домах, куда мы стучались, было предостаточно места.

– Да, много, я знаю.

– Тогда почему мы должны привечать незнакомцев, если сами они не поступают так же, как мы?

– Потому что нам повезло быть туарегами, а им нет. Считай, что это цена, какую мы обязаны платить за наше место в пустыне.

Слушая мать, Сулейман Сайях пришел к выводу, что спорить с ней бесполезно, а посему лишь пожал плечами и, чуть повысив голос, объявил:

– Этой ночью начнем копать проходку вдоль корня, и да будет так, как распорядится Аллах.

Двумя неделями позже грунт постепенно начал увлажняться, и вот появилась тоненькая ниточка воды.

Люди восприняли это как чудо. Конечно, чудо – найти воду там, где и намек на нее не было, если не считать полузасохших пальм, к которым привел их Аллах.

Они молились в течение всего дня и с наступлением ночи принесли в жертву последнего барашка.

Наелись до отрыжки, танцевали и пели, поливая себя водой из колодца *Ахамука*.

Теперь наконец, после стольких неурядиц, у семьи убитого Гаселя Сайяха, пребывающего в *Джаннате*, райском саду, был свой очаг.

Их очаг находился в скалистом массиве на краю пустыни, там был колодец и росло три пальмы.

Немного для людей.

Много для туарегов.

От подножия гор они наносили земли и высадили небольшой огород. Вот и пригодились семена, которые Лейла хранила в кожаной сумке.

Молодой Гасель ходил на охоту и время от времени возвращался то с ориксом, то с горной козой, а то и с газелью.

Женщины брали воду из колодца и поливали всходы.

Всем было чем заняться.

Дни сменялись неделями, недели – месяцами, прошел год и еще немало.

Колодец *Ахамука* был неиссякаем. Он давал людям воды ровно столько, сколько нужно. Хвала Аллаху – аль-Хамду ли-Ллях!

Лейла начала стареть.

Сулейман сделался еще сильнее.

Аиша превратилась в настоящую красавицу.

А Гасель Сайях, сын Гаселя Сайяха, с каждым днем все больше креп физически и все больше напоминал своего отца твердостью характера.

Старый Суилем умер, а спустя несколько дней после этого Рашид почтительно попросил разрешения уйти. Он захотел отправиться на юг, в те места, о которых столько слышал от деда. Ему хотелось найти там красивую женщину, с которой он мог бы создать семью.

Рашида благословили, подарили ему хорошего верблюда, ружье и козу в придачу. И ему и всем его потомкам была предоставлена свобода, а Лейла пообещала, что демоны *гри-гри* никогда не будут преследовать его.

Смерть преданного семье Суилема образовала пустоту в сердце пожилой женщины, а тут еще и Рашид решил уйти... Но она понимала, что добрейший великан имел право на свою собственную жизнь. И все же, когда Рашид со своими животными скрылся из виду, у нее возникло

странное чувство, что та большая семья, которую ее покойный муж сумел создать, рассыпается, как песок. От могущественного клана, почитаемого в пустыне, осталась лишь горстка. Выживали они за счет колодца, носившего имя одного из ее сыновей.

В одно нестерпимо жаркое утро в конце лета с юго-востока послышался какой-то шум. Шум постепенно нарастал, и наконец на горизонте появился небольшой белый самолет – появился и начал кружить прямо над их головами.

Все, конечно, выбежали посмотреть. В городе они довольно часто видели самолеты, но здесь-то что ему делать?

Оглушительно тархтя, самолет описал четыре или пять кругов, с каждым разом все больше сужающихся, а потом снова взмыл в небо и скрылся в том же направлении, откуда прилетел.

Все последующие дни Сайяхи и слуги только и говорили о происшествии. Каким ветром этот самолет сюда принесло? Что он тут выискивал? Летел-то так низко, что даже было видно пилота с густой всклокоченной бородой. Самолет был явно не военный, и это рождало новые вопросы. А может, и лучше, что не военный. Мало ли, искатели приключений... Пока они жили в городе, насмотрелись на таких. И просто туристы, и этнографы, и археологи, упрямо искавшие остатки исчезнувших цивилизаций в заброшенных уголках. Но у них-то что искать? Далеко на севере, в горном массиве Тассилин-Аджер есть очень привлекательные виды, и там сохранились наскальные рисунки, исследовать которые приезжали даже из Америки. Но здесь-то, здесь никаких таких видов нет, вершины скал больше чем на двести метров не поднимаются, и рисунков они вроде не замечали.

По происшествии недели о самолете забыли, и жизнь снова вошла в привычное русло: охота, огород, костер по ночам.

И вот однажды в тихий вечер, похожий на сотни других вечеров, на горизонте появился высокий столб пыли.

Аиша, первая заметившая его, тут же бросилась к старшему брату.

– Кто-то сюда едет, – сказала она.

Гасель Сайях вышел из шатра посмотреть. Столб пыли приближался с головокружительной скоростью, и вот уже можно было различить контуры красного автомобиля.

– Предупреди-ка Сулеймана, – попросил он сестру, вернулся в шатер и тут же вышел с двумя ружьями в руке.

Как только брат подошел к нему, он вручил ему ружье и жестом показал, чтобы тот занял позицию по другую сторону колодца, у подножия самой большой из пальм.

Рычащий автомобиль приблизился и остановился в десяти метрах от колодца, из него вышли два молодых человека в пыльной одежде.

– *Ас-салям алейкум!* – поздоровались они.

– *Метулем, метулем!* – прозвучало в ответ.

– Добрый вечер! – вежливо произнес на французском языке один из мужчин.

– Добрый! – Сайяхи знали французский, хотя родным у них был язык *тамашек*.

– Мы прибыли с миром.

– Что же, с миром будете приняты.

– Просим у вас гостеприимства.

– Считайте себя нашими гостями.

– Мы можем набрать воды?

– Конечно!

Мужчины приблизились к колодцу, осмотрели его, явно удивились глубине и, не сделав ни одного комментария, стали тянуть за веревку, пока не показалось ведро, сшитое из козьей шкуры.

Но то, что произошло дальше, поставило в тупик всех местных жителей. Вместо того чтобы напиться, мужчины принялись ополаскивать лица и руки, а после, зачерпнув еще воды, протерли передние стекла автомобиля.

– Вы что, не хотите пить? – спросила наконец Аиша, не скрывая растерянности.

– Спасибо, нет, – ответил один из мужчин. – У нас еще есть запасы воды в холодильнике... – Тут до него дошло, что туареги смотрят на них чуть ли не с ужасом, и, нахмурившись, он спросил: – Что-нибудь не так?

– Здесь воды очень мало, – ровным голосом, сдерживая недовольство, ответил Гасель. – Мы ее используем только для питья и полива растений.

– Но нас заверили, что в этом колодце предостаточно воды круглый год... – заметил второй мужчина, несколько стушевавшись.

– И кто вас мог заверить? Насколько мне известно, кроме нас, про этот колодец никто не знает.

– А разве это – не колодец *Сиди-Кауфы*?

– Нет, это колодец *Ахамука*. *Сиди-Кауфа* находится в четырех днях пути отсюда, на северо-востоке.

– Этого не может быть...

– Уверяю вас, что это так.

Можно было подумать, что на мужчин неожиданно луна свалилась. Любезные улыбки погасли, лица побледнели, они переглянулись, не скрывая страха.

– Боже милостивый! – воскликнул тот, кто, по-видимому, был шофером. – Мы ошиблись на маршруте. Какого черта ты смотрел?! – повернулся он к напарнику.

– Я? Но карты говорят, что мы находимся там, где надо.

– В четырех днях пути от *Сиди-Кауфы*?

Вместо ответа тот полез в автомобиль и вытащил из него потрепанную тетрадь в черной обложке.

– Вот тут указаны координаты. Приборы на панели показывали отклонение менее километра. Это и есть *Сиди-Кауфа*...

– А вот эти добрые люди другого мнения, – фыркнул водитель. – И у меня сложилось впечатление, что они живут тут уже немало времени... Или нет? – поднял он глаза на Гаселя Сайяха.

– Около шести лет. И колодец вырыли мы.

– Нет, ты можешь представить? Мать твою так, это не колодец *Сиди-Кауфы*. Это колодец *Ахамука* и принадлежит вот этим господам!

Мужчина-штурман присел на подножку автомобиля и, проморгавшись, уставился в карту. Когда он поднял голову, в его взоре отразилось отчаяние.

– Тогда эта карта ошибается... – пробормотал он наконец. – Вот эти горы, что перед нами, они нигде не отражены, и час назад мы должны были преодолеть дюны, которых тоже не видели... Черт, черт, черт, какая мать родила этих уродов-картографов?! И что нам теперь делать?

– Ни малейшего представления.

– Скоро стемнеет.

– Это я уже понял.

– И?..

– Ну и что ты хочешь, услышать? – Огорченный водитель в очередной раз посмотрел на Гаселя Сайяха и почти умоляющим тоном попросил: – Вы не могли бы показать дорогу к колодцу *Сиди-Кауфа*?

– Нужно объехать вон те скалы с севера-востока, – начал объяснять Гасель. – Но, если вы попытаетесь это сделать ночью, вас засыплет песком по самую шею. Там постоянно дует северный ветер, а дюны молодые и не устоявшиеся... Мой совет – дождитесь рассвета.

– Черт, а...

– Вы бы оказали нам большую честь, согласившись переночевать в одном из наших шатров.

– Да, спасибо, – кивнул мужчина, силясь улыбнуться. – Мне хорошо известно гостеприимство туарегов... Вы ведь туареги, да?

– Странный вопрос. А кем еще мы могли бы быть?

– Эм... эскимосами... Я пошутил, пошутил... Ну, хорошо! Нет худа без добра... Заблудились, зато погрузимся в экзотику... И ко всему прочему, мы еще не представились... Меня зовут Марсель Чарриер, а моего товарища – Ален Гита.

– Это – моя мать, – Гасель показал на Лейлу, – а это мои брат и сестра. Все, что у нас есть, – в вашем распоряжении. Вы голодны?

– Как волки. Но в машине у нас всегда есть запас провианта на непредвиденный случай. Знаете ли, у меня такое впечатление, что в ваших краях супермаркеты – большая редкость. Вы не обидитесь, если мы пригласим вас отведать наших деликатесов? Похвастаюсь, что я умею готовить.

– Не в наших обычаях... – замялся Гасель.

– Да что вы! Не отказывайтесь!

Молодой человек посоветовался взглядом с матерью. Та кивнула:

– Признаться честно, мы уже много лет не пробовали французской еды. Посмотрим, какой вы повар.

Марсель Чарриер расстарался. Не прошло и получаса, как он приготовил вкуснейшие спагетти с острым соусом; за спагетти последовали превосходные утиные бедрышки, испеченные на углях, и бедные люди, годами питавшиеся скудно, даже не сразу решились съесть их.

В заключение Чарриер сварил крепчайший кофе и одарил мужчин клана настоящими гаванскими сигарами. Сайяхи никогда в жизни не курили, и если Гасель еще смог сделать пару затяжек, то здоровяк Сулейман, закашлявшись, сразу загасил свою.

– Ну а теперь скажите, – Гасель, снедаемый любопытством, старался быть как можно более вежливым, – куда вы мчитесь как угорелые по пустыне?

– В Каир.

Туареги застыли в недоумении.

– В Каир? – повторила наконец Аиша едва слышным голосом. – Но Каир – огромный город, и он находится очень далеко отсюда!

– Так и есть. Каир – столица Египта.

– И вы на машине хотите туда добраться?

– Совершенно верно, – кивнул Чарриер.

– Но это должно быть...

– Около семи тысяч километров, плюс-минус.

– Шутите!

– Абсолютно нет. Семь дней назад мы выехали из Мавритании и направились в сторону Египта... В общей сложности – чуть более одиннадцати тысяч километров пути.

– А разве не было бы удобнее добраться туда на самолете? И дешевле, и быстрее, да?

– Разумеется! Но речь идет о ралли.

– О чем?

– Ралли... Гонки...

– Гонки?.. – непонимающе повторил Сулейман. – Что вы хотите этим сказать?

– То, что сказал: гонки. В данный момент сотни людей мчатся на легковых автомобилях, на грузовиках и мотоциклах в направлении Каира. – С видом крайнего удовлетворения Чарриер выпустил струю дыма. – И мы пока первые.

– Первые?

– Ну да, мы пока первые, а остальные – позади.

– А зачем все вдруг собрались в Каир? – спросил Гасель.

На сей раз Чарриер растерялся. Он некоторое время подумал, потом пожал плечами:

– Ну, речь идет о спортивных гонках... Каир – конечный пункт.

– То есть сотни людей пересекают Африку из конца в конец, глотая пыль и терпя жару, желая победить?

– Естественно!

– Какая глупость!

– Глупость?

– Извините, я не хотел вас обидеть. Но я не могу этого понять. Эта пустыня очень опасная.

– О, знаю, знаю, – вздохнул Чарриер. – Мой лучший друг погиб три года назад – его машина неожиданно загорелась.

– Бог подарил нам жизнь не для того, чтобы мы ею столь глупо рисковали, – вмешалась в разговор Лейла. – Я думаю, точно так же, как Бог не принимает в рай тех, кто оскорбляет его самоубийством, он откажет и тем, кто занимается вашим... как вы сказали?... – вашими гонками. Это примерно то же, что и самоубийство.

– Вы преувеличиваете опасность, – возразил Чарриер.

– Ничего я не преувеличиваю. Если бы мы не соорудили этот колодец, вы бы, заблудившись, умерли от жажды посреди пустыни.

– Если бы вы не построили этот колодец, то кретины, которые составляли карты, ничего бы не перепутали и нанесли *Сиди-Кауфу*, – уточнил Ален Гита, штурман. – До этого мы ни разу не ошиблись в направлении, так как наши приборы позволяют определять маршрут по спутнику. По спутнику можно определить любую точку.

Сайяхи переглянулись. Они достаточно хорошо знали французский, потому что почти вся Западная Африка долгое время была французской колонией, но сказанное гостем показалось настолько абсурдным, что они засомневались, правильно ли поняли его слова. Пусть они и жили на краю земли, можно сказать, в первобытных условиях, но автомобили видели в городе, самолеты – в небе и даже знали про телевизор, но чтобы какой-то прибор позволял построить маршрут среди пустыни – это было выше их понимания.

Неловкую тишину нарушил Марсель Чарриер. Он наклонился, чтобы налить себе еще кофе, и сказал:

– Вот вы удивляетесь, почему мы это делаем, – ну, в смысле, участвуем в ралли, – но разве не удивительно, что вы выбрали для жизни этот никому не ведомый уголок? Почему? Что вас толкнуло обосноваться здесь?

– Нам здесь хорошо, – ответил Гасель.

– Хорошо? Но как вы выживаете?

– Нам много не надо. У нас есть молоко, мясо, овощи с огорода, – горячо принялась объяснять Аиша. – И самое главное – у нас есть вода. Колодец не самый щедрый, однако благодаря ему мы удовлетворяем все наши потребности.

– Еще раз приносим извинения, что мы так глупо воспользовались водой. Нам даже в голову не пришло...

– Теперь это уже неважно, – перебил Чарриера Гасель. – Да вы и не знали, чего вас винить.

– Спасибо, однако скажите мне... где вы берете самые необходимые товары: соль, одежду, патроны... или вот кофе, без которого, мне кажется, ни один туарег не может жить?

– Каждый год, в первое весеннее полнолуние, бедуины собираются на огромной ярмарке в оазисе аль-Рейми. Это в шести днях пути отсюда на востоке. Там сходятся охотники, пастухи, торговцы скотом и другим товаром. Животных и шкуры обменивают на соль, чай, сахар, на семена и патроны. У нас есть верблюды для продажи, вот этим мы и живем. Однажды мы даже спускались на ярмарку в Кано, но это слишком далеко, на севере Нигерии.

– И насколько далеко?

– Около трех недель пути.

– Не могу представить ни одного европейца, целых три недели добирающегося до рынка... – засмеялся Чарриер. – Но вы так и не ответили на мой вопрос: почему вы выбрали столь отдаленное место?

– Не думаю, что вы поймете.

– Я силюсь понять все, что вижу, и мне нравится узнавать истории людей, с которыми встречаюсь на пути.

Гасель замялся:

– Ну, в таком случае я вам поясню. Мы находимся здесь по политическим причинам.

– По политическим? – растерянно пробормотал Ален Гита, явно не поверив. – Я всегда считал, что туареги свободны от политики. Не говорите мне, что проклятая политика добралась уже до пустыни.

– Это длинная история...

– Истории при свете костра посреди пустыни – что может быть лучше, – оживился Марсель Чарриер. – Рассказывайте поскорее, что же произошло?

– Вам правда интересно?

– Конечно!

Гасель посмотрел на него, как бы определяя, насколько искренне он говорит, затем, обернувшись, взглянул на мать, словно спрашивая у нее разрешения. Увидев едва заметный кивок, он начал:

– Мой отец, чье имя я унаследовал, считался самым храбрым из туарегов. Он был единственным, кто сумел дважды пересечь Тикдабру. В Тикдабре нет ничего, кроме песка, и не всякая ящерица там выживет... Моего отца уважали, спрашивали его совета, но однажды, почти двадцать лет назад, в его лагере оказались два обессиленных путника, заблудившихся в пустыне. Как и подобает туарегу, он принял их наилучшим образом. Но спустя несколько дней нагрянул военный патруль. Одного из гостей они убили, а другого увели.

– И что дальше?

– Как оказалось, они увели эль-Кебира, единственного демократически избранного президента за всю историю нашей страны, а тот, которого убили, был его телохранителем. Военные... вы ведь знаете, на них всегда опирается диктатура.

– Понимаю... Солдаты нарушили священный закон гостеприимства туарегов.

– Да, так и есть. Они пролили кровь в нашем очаге и силой увели человека, которого мы взяли под защиту. Мой отец поклялся, что убьет всех, кто сделал это, и освободит Абдуля эль-Кебира. Для него это было дело чести.

– Не по этим ли мотивам был снят фильм? – спросил Ален Гита. – Эта история у меня на слуху.

– В то время много говорилось о моем отце. Даже была написана книга, но о фильме я ничего не знаю.

– Кажется, я его видел! – не унимался француз. – Так себе кино. Из главного героя сделали эдакого Рембо. Но потом я узнал, что фильм основан на реальных событиях, и это меня впечатлило.

– Но что же было дальше? – Марсель Чарриер не скрывал нетерпения.

– А то, что мой отец казнил убийц и освободил президента. Для этого ему пришлось перерезать горло всем в гарнизоне крепости, куда эль-Кебира заточили.

– Вы хотите сказать, что он вырезал весь гарнизон?

– Именно так. Никого не оставил в живых.

– Один?

– Да-да, один.

– Но как ему это удалось?

– Он был воином, – последовал простой ответ. – Те, в гарнизоне, они даже ничего не почувствовали. Но мой отец умел не только это делать, а кое-что еще. Кстати, он сопровождал Абдуля эль-Кебира до другой стороны границы, преодолев Тикдабру, несмотря на то что его преследовала вся армия.

– А потом, потом?..

– Так как отца не смогли схватить, военные похитили нас и сказали, что отдадут в обмен на эль-Кебира. Узнав об этом, отец взбесился. Его новая клятва была такой: он убьет президента, поставленного военными, если тот не вернет ему семью.

– И он исполнил свое обещание?

– В некотором роде – да, а в некотором – нет.

– И как это понимать?

– Он пустился в дальний путь, в столицу, схоронился в окрестностях, выждал, когда президентский кортеж выйдет из дворца, и выстрелил... Самое плохое, что во всей этой неразберихе он не понял, что человек, в которого он стрелял, был другой – тот, кто был обязан отцу свободой...

– Абдуль эль-Кебир? – ахнул Чарриер.

– Он самый.

– Но как же ваш отец мог совершить подобную ошибку?

– Наверное, потому, что Абдуль эль-Кебир был выбрит, в красивом костюме, он совсем не походил на грязного оборванного старика, которого отец тащил на себе многие недели через пустыню.

– Боже милостивый! Но как же эль-Кебир снова оказался в городе?

– Так вышло, потому что народное восстание свергло диктатуру и снова посадило его в президентское кресло, но этого мой отец знать не мог.

– Ох ты... вот так история! И чем же она закончилась?

– Трагически. В тот же самый момент телохранители президента убили моего отца, и мы так и не узнали, было ли у него время понять свою ошибку.

– Как сын вы, конечно, предпочли бы, чтобы он не понял...

– Я надеюсь на это. Отец выстрадал все муки ада, а ведь все началось с того, что он следовал самой древней традиции нашего народа, традиции гостеприимства. Умереть, убив диктатора, было честью. Умереть из-за абсурдной ошибки – это насмешка судьбы. Если мой отец не знал об ошибке, в собственных глазах его честь осталась незапятнанной.

– Честь продолжает оставаться самым важным для туарегов?

– Можно жить в богатстве или в нищете, можно быть здоровым или больным, тебя могут ненавидеть или любить, однако нельзя жить без чести, – последовал решительный ответ. – В рай можно войти в рубище, больным – в раю царит изобилие, и все воздастся. Однако нельзя войти в рай бесчестным, Аллах не пустит тебя туда.

– Мне никогда и в голову не приходило посмотреть на это под таким углом, – признался Чарриер. – А ведь и правда, по ту сторону ты не можешь взять ни деньги, ни власть, вообще ничего. Получается, что в течение всей своей жизни, если, конечно, веришь, что все продолжится, ты должен совершать благие дела.

– Мой отец совершил великое дело, он защищал принципы нашей веры и нашей культуры, а посему должен был умереть в мире с самим собой. Любой туарег согласился бы жить и умереть так же.

– А что, туареги действительно верят в существование рая? – неожиданно поинтересовался Алэн Гита. – Вы думаете, что где-то там, на небесах, есть место, где полно снеди, музыки и красивых женщин, как утверждает ваш Магомет?

– И да и нет... – ответил Гасель Сайях.

– Простите, не понял.

– Точно так же, как ад, рай и существует, и не существует.

– Говорю же, не понял.

– Рай существует для тех, кто верит в него.

– А для тех, кто не верит?

– Не существует.

– И с адом так же?

– Да.

– Как это?

– Да все очень просто... Если ты чтить законы Аллаха, твоя душа попадет в рай. Если не выполняешь законы Аллаха, твоя душа попадет в ад. – Гасель сделал небольшую паузу, как бы подчеркивая то, что собирался добавить: – Но если ты не веришь ни в рай, ни в ад, когда ты умрешь, твоя душа никуда не попадет. То есть ты просто умрешь.

– По-вашему, для неверующих не существует загробного мира?

– Не существует. Точно так же, как не существует для верблюдов, собак или коз. Если человек не верит в существование Высшей силы, то он опускается до уровня животного, а значит, и посмертная судьба его такая же: рассыпаться в прах.

– Не получив ни награды, ни наказания за свое поведение при жизни?

– Уподобиться животным – уже означает достаточное наказание, – заметила Лейла. – Было бы несправедливо наказывать кого-то за то, что он не выполнял Божьих указаний, когда не верил в Бога. Это все равно что наказывать за нарушение закона, о существовании которого тебе неизвестно. Но в чем мы можем быть уверенными, так это в том, что даже ад, в котором очищают от грехов, в тысячи раз лучше, чем ничего.

– Как странно вы смотрите на жизнь.

– Скорее на смерть.

– Действительно, скорее на смерть, – согласился Марсель Чарриер. – Ну ладно, думаю, настал момент оставить метафизические дискуссии, которые все равно ни чему не ведут. Мы приехали сюда ради ралли. Как только рассветет, нужно будет отправиться в дорогу...

* * *

Едва день забрезжил, красный автомобиль скрылся за скалами. Гасель Сайях, проводив его взглядом, сел у входа в шатер.

Он раздумывал.

Что за странная жизнь у этих людей, если они пускаются в столь безрассудные авантюры? И что за жизнь у него самого, если он продолжает цепляться за прошлое, когда мир движется вперед с умопомрачительной скоростью?

Гасель не мог похвастаться образованностью, однако он унаследовал острый ум своего отца, а жизнь научила остальному.

Юноша, которому пришлось забрести сюда, соорудить вместе с братьями колодец, взять на себя заботы о семье, превратился в мужчину, а мужчинам свойственно заглядывать в будущее, хоть это и не самое приятное занятие.

Что ждет их всех?

Раньше у Сайяхов были домашние рабы и слуги. Но теперь они остались одни, слуги разошлись, рабам была подарена свобода.

Аиша была уже в том возрасте, когда давно пора рожать, да и ему с братом крайне нужны были женщины, чтобы делить с ними ночи в постелях. Но возможностей найти себе пару у них почти не было. Что они могут предложить, если весь их мир – это жалкий колодец, огород, три чахлах пальмы и дюжина коз вместе с верблюдами.

Бедность не замечаешь, пока не сравниваешь ее с богатством. Наблюдая, как французы доставали из своего автомобиля продукты, изумляясь роскоши их одеяний, он пришел к выводу, что жизнь его семьи и вправду была нищенской.

Но что он мог сделать?

Куда пойти, не имея ничего за душой? О легендарном Гаселе Сайяхе, Охотнике, все забыли, а сами они ничего из себя не представляют. Везде они будут париями – без денег и специальности. Годны-то лишь на то, чтобы ходить за скотом да грузить кирпичи, без малейшего шанса пробиться в тот мир, где люди умеют водить автомобили, управлять самолетами и обращаться с мудренными приборами.

Они безнадежно отстали от времени, и это время с каждым днем ускорялось все больше и больше.

Пропасть, пролежавшая между туарегами и остальными народами планеты, расширилась с невиданной скоростью, и Гасель Сайях, сын Гаселя Сайяха, был убежден, что попытка перепрыгнуть на другую сторону означала бы то же самое, что кинуться в бездну вниз головой.

У туарегов не оставалось другого выхода, как топтаться на одном месте, пока они не исчезнут окончательно, и Гаселю больно было согласиться с тем, что он принадлежит к потерянному поколению.

Огромные, воняющие бензином грузовики пересекали Сахару с севера на юг и с востока на запад, каждый из них перевозил груз, который был под силу не одному, а тридцати верблюдам. Так что и караваны уже стали большой редкостью среди дюн.

Надо же, непонятные приборы, летающие где-то выше туч, могут определить, в какой точке находится автомобиль, проложить маршрут! Выходит, и проводники-бедуины не нужны.

Самолеты могут преодолеть за час расстояние, на которое он сам тратил недели, и все, что он усвоил на опыте многих поколений своих предков, умещалось на трех страницах в книгах, доступных любому мальчишке-европейцу.

На базаре в аль-Рейми ему иногда удавалось приобрести старые книги. Он их с жадностью читал и перечитывал, и чем больше читал, тем больше приходил в уныние, так как понимал, что не было никакого способа влиться в новый мир, находящийся далеко-далеко за темными скалами и бесконечной пустыней.

Простое признание факта, что он превратился в некий вид живого ископаемого, настолько же бесполезный, как и окаменевшие моллюски, которые время от времени попадались в горах, ввергали Гаселя в глубочайшую депрессию.

Двадцать лет назад его отец был гордым хозяином пустыни.

А теперь клан Сайяхов превратился в маленькую семью оборванцев-кочевников.

По крайней мере, его отец смог умереть в наилучший момент, вписав в историю народа яркую страницу. Ничего такого он сам, младший Гасель Сайях, сделать не сможет. Их всех ждет забвение.

Внезапно его внимание привлекло едва уловимое движение. Гасель присмотрелся: на горизонте, точно в том же месте, откуда вчера появился автомобиль Марселя Чарриера, появился небольшой столб пыли.

Сине-белый автомобиль мчался так, словно собирался взлететь.

Несколько минут спустя уже было слышно рычание мощного мотора, и все Сайяхи вышли из шатра.

Как только автомобиль остановился, человек, сидящий за рулем, нервно распахнул дверь и нетерпеливо спросил на ломаном французском:

– Сколько времени прошло, как они уехали?

Гасель недоуменно посмотрел на него, повернулся к брату, словно тот мог объяснить причину, по какой водитель не поздоровался, и наконец нехотя ответил:

– Они отправились на рассвете.

Мужчина вышел из автомобиля, снял шлем и с плохо сдерживаемой злостью швырнул его на землю, одновременно воскликнув:

– А, чтоб их!.. Они опережают нас на два часа. Какой номер у них был?

Гасель, не понимая, посмотрел на него.

– Как вы сказали? – спросил он.

– Какой номер был у автомобиля? Как этот! Вот здесь, видишь? – ткнул мужчина пальцем. – Какой номер был?

– Не знаю.

– Не знаешь? Как это не знаешь?

– Меня номера никогда не интересовали.

– Понимаю... А цвет? Цвета тебя интересуют?

– Иногда...

– Так какого цвета была их развалюха?

– Не помню.

Из машины вышел второй мужчина и на таком же дурном французском сказал:

– Остынь. Они уже далеко, и самое лучшее, что мы можем сделать, так это поехать вдвогонку.

– Заткнись! Помоги мне достать воду.

Он подошел к колодцу и уже приготовились потянуть за веревку, но Гасель остановил его:

– Вам для питья?

Мужчина, не скрывая раздражения, фыркнул:

– Для питья? Вот эту воду? Чтобы потом поносом исходить до самого Каира? Нет, конечно. В радиатор. Наскочили на камень, пробили маленькую дырку, теперь надо постоянно пополнять.

– В таком случае воды мы вам не дадим.

– Почему?

– Потому что эта вода – только для питья. Если вы хотите залить ее в радиатор, придется ехать к другому колодцу.

– И кто это сказал?

– Я.

– А какое мне дело до твоих слов? Этот колодец общественный.

– Вы ошибаетесь. Этот колодец – частный. Мы его сами выкопали, а посему он наш.

Общественный колодец находится далеко отсюда.

– Но ведь это *Сиди-Кауфа*!

– Нет. Это не *Сиди Кауфа*.

– Не может быть!

– Именно так. Ваши предшественники тоже ошиблись. Похоже, вам выдали неточные карты.

– Дерьмо! Сборище недоумков!

Мужчины переглянулись между собой. Второй мужчина, штурман, пробормотал:

– Ну ладно, ладно. Это и правда не *Сиди-Кауфа*, я читал в путеводителе, что там есть оазис, насчитывающий более пятидесяти пальм...

– Сколько ты хочешь за воду? – перебил его первый мужчина.

– Для питья – ничего.

– Ну а если не для питья?

– Не продается.

– Как это – не продается? Продается всё.

– Для нас вода означает жизнь, и мы водой не торгуем.

– Пятисот франков³ за литр хватит? – прищурился мужчина.

– Вы думаете, мы сможем напиться пятьюстами франками?

– А тысяча?

– И тысяча жажды не утолит.

– Чего же вы хотите? – возмутился мужчина. – Я вам предлагаю целое состояние за дырявое ведро воды.

– Ничего я не хочу. Хоть тысяча, хоть десять тысяч, хоть миллион франков – только бумажки, если нет воды. Желаете пить – пейте. Не желаете – будет лучше, если вы проследуете дальше своим путем. У вас даже ни хватило деликатности попросить у нас разрешения, а теперь уже слишком поздно это делать.

– Но, если не залить радиатор водой, двигатель сдохнет посреди пустыни!

– Это ваша проблема. Когда вы решили принять участие в гонке, то должны были предусмотреть, что нечто подобное может произойти. – Гасель показал за скалы и добавил: – А сейчас вам лучше убраться.

Мужчина на несколько мгновений задумался, кивнул, поднял свой шлем и влез в машину. И тут же выскочил, сжимая в руке тяжелый револьвер и целясь прямо в голову Сайяха.

– А теперь что скажешь, араб вшивый? – крикнул он. – Ты мне дашь воду или нет?

– Какого х... ты делаешь?! – ужаснулся второй мужчина. – Ты что, с ума сошел? Спрячь оружие!

– И не подумаю! – последовал резкий ответ. – Без воды мы сдохнем в пустыне.

– Не драматизируй. Сообщим по радио, и за нами приедут.

– Когда? Через шесть часов или, может, через день? Уверен, те, кто нас опередил, заплатили этим свиньям, чтобы они помешали нам догнать их. Ну нет, этому не бывать! Давай доставай воду!

– Но, Марк...

– Заткнись и делай, что я тебе говорю! Каждая минута на счету.

– Нас могут дисквалифицировать за это.

– А как они узнают? Ты что, сам расскажешь?

– Нет, но...

– Нет таких «но», чтобы они что-то стоили! – Тот, кого называли Марком, переводил ствол револьвера с одного туарега на другого. – Эти козлы из оргкомитета внесли путаницу в карты, а нам, между прочим, говорили, что, если возникнет некое препятствие, мы должны выкручиваться сами, как сможем. Так вот оно, препятствие.

Мужчина-штурман засомневался. Было видно, что он не хочет идти на крайности, однако, решив, что выбора нет, зачерпнул воду из колодца, залил в радиатор и наполнил небольшой бидон.

– Сочувствую... – невпопад пробормотал он, закончив дело.

³ По 17 февраля 2002 года франк оставался основной денежной единицей Франции. Соответственно, и бывших французских колониях эта валюта была в ходу.

– Как это ты сочувствуешь?! – зло уколол его компаньон. – Может, ты думал, что нас ждет прогулка по Елисейским Полям? Я тебе говорил, что, вполне возможно, мы столкнемся с бандитами, и ты согласился поехать. Так что засунь свое сочувствие в задницу.

– Но ведь они не бандиты...

– Тот, кто пытается захватить побольше франков за десять литров воды – бандит. Садись в машину, мать твою, или я оставлю тебя здесь!

Он подождал, пока штурман усядется, затем направился к багажнику тяжелого внедорожника. Открыл дверцу, достал банку с машинным маслом и подошел к краю колодца. Держа Гаселя под прицелом, одной рукой открутил крышку, и струя масла полилась вниз.

– Смотри, что я делаю с твоей дерьмовой водой! Будешь целый месяц срать маслом.

Разжал пальцы, и наполовину опустошенная банка полетела на дно колодца. Садясь в автомобиль, он сделал неприличный жест и забористо выругался.

– Ты с ума сошел, Марк... – с кислым видом выдавил штурман, у которого, казалось, вот-вот брызнут слезы из глаз. – Но еще больше сумасшедший – я, что согласился вляпаться в это. Знал же, какой ты кретин...

– Да пошел ты!

Семейство не верило своим глазам. Когда автомобиль исчез из виду, Гасель подошел к одной из пальм, прислонился к ней лбом и замер, пытаясь совладать с закипавшей злостью.

Как Аллах мог допустить, чтобы такое произошло?

Почему судьба бьет их даже в самом сердце пустыни?

Если отец и совершил какой-то грех – он расплатился за него своей жизнью. Но при чем тут они, его дети? В чем их вина, если они оказались гонимыми и подвергнутыми издевательствам?

Все, что они хотят, – выжить. Цепляются за жизнь когтями и зубами и даже принесли в жертву Ахамука – колодец забрал его. Свили гнездо на краю земли, но и здесь проклятые *гри-гри* не оставили их в покое.

– Что будем делать? – Гасель посмотрел на сестру, в чьих огромных черных глазах отражался страх.

– Не знаю.

– Как мы выживем без воды?

– Тоже не знаю.

– Четыре дня могут оказаться очень тяжелыми, пока доберемся до *Сиди-Кауфы*.

– В гирбах что-нибудь осталось?

– Ни единой капли.

– Господин, господин!.. Если даже нам удастся добраться до колодца, большая часть животных умрет по дороге.

– Как ты думаешь, что будет, если мы попробуем пить эту воду?

– Не имею ни малейшего представления. Масло машинное, я слышал, что от него люди болеют и даже слепнут.

– Слепнут? – ужаснувшись, повторила Аиша.

– Слепнут или становятся обездвиженными.

– Но ведь масло остается на поверхности воды. Может быть...

– Нет, не будем рисковать, – прервал ее брат. – Откуда нам знать, какого количества этого масла достаточно, чтобы человек заболел, и какие средства существуют в качестве противоядия. А вдруг это такое масло, которое вмиг убивает?

Лейла и Сулейман хранили молчание, как бы подтверждая, что Гасель – глава семьи и ему принимать решение. От этого решения, вне всяких сомнений, зависела жизнь всех. Гасель и сам понимал, что груз ответственности лежит на его плечах и что бы он ни предложил, его послушаются.

Он сел на корточки, поиграл песком, потом обвел взглядом шатры. И наконец, твердо заявил:

– Мы должны поторопиться погрузить все. Чем раньше мы выйдем, тем быстрее доберемся до *Сиди-Кауфы*.

– Погрузить все? – повторила Лейла с нескрываемым удивлением. – Ты хочешь сказать, что мы уходим навсегда?

– А что нам остается? – с горечью ответил Гасель. – Вода в колодце будет отравленной много месяцев, да и, похоже, настал момент, когда мы должны покинуть эту пустыню. При небольшом везении, возможно, о Сайяхах забыли недоброжелатели.

– Сколько лет прошло, а удача не удостоилась нас навестить, – заметил Сулейман. – После того дня, когда Абдуль эль-Кебир попросил у нас приюта, на нас как будто клеймо поставили.

– А что тебя удивляет, брат? Удача обычно не сопутствует людям честным и справедливым. Зато им помогает Аллах. Истинный мусульманин всегда предпочтет руку Аллаха, чем руку удачи. Иди за верблюдами!

Не теряя время, все принялись собираться, но не успели навьючить даже одного верблюда, как Аиша выпрямилась и произнесла:

– Вон еще едут!

Вдалеке, сопровождаемый тучей пыли, появился автомобиль.

– Похоже, у них у всех одна и та же карта, потому-то все и едут сюда... – Гасель задумчиво почесал свою черную бороду. – Ну и хорошо, это значит, что нам удастся дела уладить.

– Как?

– Пока не знаю. Но если предыдущие гости нанесли нам вред, то все, кто участвует в этих сучьих гонках, виновны и обязаны ответить.

– Но те, что приезжали вчера, были вежливы, они накормили нас, – напомнила ему мать.

– Возможно, – согласился Гасель. – Но когда мы сталкиваемся с другими племенами, мы не задумываемся над тем, кто хороший человек, а кто плохой. Они – враги, и мы сражаемся с врагами.

– Хочу напомнить тебе, брат, – сказал Сулейман. – Согласно древним законам, если какой-либо воин другого племени наносит нам обиду, то племя обязано передать его нам с целью предотвращения войны.

– Ты с этим согласна, мама?

– Это очень старые законы, сынок. Но я считаю, что они будут действовать, пока пустыня продолжает оставаться пустыней, а туареги – туарегами. Тот, кто совершает преступление, обязан заплатить за это.

– Да будет так!

Тем временем машина остановилась у колодца. Из нее вышли потные усталые мужчины и сразу натолкнулись на черные стволы ружей, нацеленные им между глаз.

– Что это значит? – пробормотал один из них.

– Это значит, что вы стали нашими пленниками, – спокойно ответил Гасель Сайях.

– Пленниками? Что вы хотите этим сказать? Какими такими пленниками?

– Военными.

– Вы в своем уме? Мы ни с кем не находимся в состоянии войны.

– Вы – нет, мы – да.

– И с кем же?

– Со всеми, кто разъезжает по пустыне, считая, что она – их... – Гасель посмотрел на брата и приказал: – Свяжи их.

Двадцать минут спустя внутри еще не разобранного шатра два растерянных пленника непонимающе взирали на своих захватчиков.

– Ну а мы-то здесь при чем? – задал наконец вопрос тот, кто, очевидно, был старшим. – Мы даже не знакомы с этим вашим Марком, и нас никак нельзя обвинить в отравлении вашего колодца.

– А я вас и не обвиняю, – сказал Гасель, присаживаясь напротив. – Если бы я вас обвинял, вы были бы уже мертвы.

– Но что вы собираетесь делать?

– На наших бедных верблюдах нам никогда не догнать виновного, ведь его машина, должно быть, уже находится неподалеку от *Сиди-Кауфы*... Но пока этот выродок не вернется, чтобы попросить прощения и получить наказание, которое он заслуживает, вы останетесь у нас.

– Что вы имеете в виду?

– Вы будете нашими гостями, пока виновный не вернется.

– Гостями или заложниками?

– Называйте как хотите.

– Но ведь это безумие! – возразил второй мужчина; он не очень хорошо понимал французский, и ему стоило немало труда вникнуть в то, что говорилось. – Настоящее безумие! – повторил он.

– Настоящее безумие – гоняться по камням и дюнам, не щадя ни своей жизни, ни жизни тех, кто встречается на вашем пути. Безумие – красть и отравлять воду, без которой мы приговорены к смерти. Безумие – угрожать оружием тем, кто готов оказать тебе гостеприимство. Если уж ты согласился принять участие в подобной глупости, то должен быть готов к тому, что безумие рано или поздно обрушится на твою голову.

– Но чего вы хотите добиться, удерживая нас? – задал вопрос старший. – Сомневаюсь, что один из козлов, сделавший то, что сделал, согласится вернуться и попросить прощения.

– В таком случае я вам сочувствую.

– Хотите сказать, что готовы убить нас?

– Это естественный конец, который ожидает заложников, если не выполняются требования тех, кто их захватил, и...

– Еще один автомобиль едет!

Гасель посмотрел на прервавшего разговор брата, стоявшего у входа.

– Ну и ну... Сколько, думаешь, нам еще понадобится? – Он кивнул на заложников.

– Чем больше, тем лучше. Не знаю.

– Ну, пятерых-шестерых будет достаточно. Если больше, они доставят проблемы.

К полудню, когда раскаленным воздухом уже нельзя было дышать, семь потных пленников, один из которых примчался на мотоцикле, сидели в шатре из верблюжьей шерсти.

Лейла и Аиша забрали из автомобилей воду и провиант, не считая это воровством. И воду и продукты придется разделить на всех.

К вечеру животные были навьючены и готовы к выходу.

Гасель присел на корточки перед сникшим мотоциклистом и наставил на него указательный палец:

– Ты вернешься туда, откуда прибыл. Твоя задача – задерживать всех остальных. Объяснишь ситуацию. Скажешь, что твоих товарищей я отведу в такое место, где их никогда не смогут найти. За ними проследит моя семья... Сам я останусь здесь – подожду, пока тот, кого зовут Марк, не предстанет предо мной. Ты понял?

– Да, – неуверенно кивнул парень.

– Ты в чем-то сомневаешься?

– Только в одном. Вы намерены убить их?

– Если не будет другого выхода – да.

– Всего лишь за каплю воды?

– Хочешь пить?

– Очень.

– Тогда я тебя оставлю здесь, без воды. И завтра ты убьешь свою мать, чтобы получить хоть каплю. – Он вытащил из ножен остро отточенную *кумию* и разрезал толстые ремни, связывавшие руки парня. – Иди!

– Можно попить хоть немного?

– Нет.

– Но у меня рот пересох!

– Это позволит тебе лучше понять, какое преступление совершил твой друг.

– Он не мой друг! – громко возразил парень. – Я никогда его не видел!

– Серьезная ошибка с твоей стороны – пуститься в авантюру, не зная, что за люди путешествуют с тобой, – заключил туарег. – Так ты едешь, или я отправлю другого?

– Еду, еду! – поспешил ответить парень и посмотрел на других пленников. – Держитесь тут. Через пару дней все будет решено.

– Да уж постарайся... И, пожалуйста, пусть оповестят наши семьи.

– Да, конечно... – Парень выругался и добавил на немецком: – Какая же потаскуха родила этого козла! Ты смотри, как все организовал!

Все еще сыпя проклятия, он вскочил на свой пыльный мотоцикл, завел его и через несколько секунд летел по равнине.

Гасель и Сулейман долго смотрели ему вслед. Наконец младший брат заметил:

– Будет лучше, если мы прямо сейчас отправимся в путь. Нам надо добраться до пещеры, прежде чем начнет светать. Днем с самолетов нас легко засекут.

– Будь осторожен в горах.

– Сам знаешь, что буду.

Спустя полчаса маленький караван тронулся на север.

Возглавляли его три верблюда, на которых сидели Лейла, Аиша и Сулейман. Четыре других были нагружены пожитками. В хвосте плелась вереница пленников, на чьих лицах отражался страх.

– Куда нас ведут? – спросил один, с трудом разлепив губы.

– В одно надежное место, – обернулся к нему Сулейман. – Вам нечего нас бояться, мы не бандиты. Как только виновный будет наказан, вернетесь домой живыми и здоровыми.

– Но почему бы не ускорить возвращение? У меня в машине спрятаны сто тысяч франков на непредвиденный случай. Уверен, что у других есть записка. Деньги ваши, но только отпустите нас!

– Можете быть уверены, ваших денег никто не возьмет. Они здесь годны лишь для разведения огня. Советую помолиться вашему богу, чтобы тот, кто все это завертел, поскорее пришел повиниться.

– А если он этого не сделает?

– Мой брат их убьет.

– Спаси нас, Боже! – чуть ли не хором воскликнули пленники.

Когда караван скрылся за скалами, защищавшими селеньице от грозного *харматтана*, дувшего по несколько недель, Гасель Сайях сел под любимой пальмой и начал ждать с тем спокойствием, на которое способны только люди, живущие в песках и на каменистых равнинах.

Когда он был еще ребенком, отец научил его прятаться в песке целый день, оставляя снаружи только нос и глаза. Жара, жажда, скорпионы и змеи в расчет не принимались. От него требовалось превратиться в камень, не шевельнуть ни единой мышцей, чтобы не выдать себя. Он дожидался, когда пугливые антилопы приближались совсем близко, и только после этого нажимал на спусковой крючок. В пустыне патроны ценились дорого, нельзя было тратить

их впустую, и хороший охотник никогда не стрелял, если не был абсолютно уверен, что не промахнется.

Выдержка была шкурой, в которую туарег заворачивался, когда это было нужно.

Выдержка была оружием, благодаря которому туареги побеждали там, где другие племена терпели поражение.

Выдержка была добавочным геном у туарегов, «синих людей» пустыни.

Гасель Сайях сидел, смотрел на опустевший очаг и думал, думал...

Он осознавал, что путь, который был выбран, тяжел. По сути, он вступает в борьбу с новым миром, где столько всего удивительного, вооруженный одним лишь старым ружьем. Но он не мог поступить по-другому – поколения его предков прокляли бы его за неумение защитить честь самого прославленного из народов: народа *Кель-Тальгимус*.

«Принадлежность к племени *Кель-Тальгимус* делает нас не такими, как все вокруг, – говорила ему мать много лет назад, когда он спросил ее о причине, по которой его отец ввязался в непосильную, как казалось, авантюру против армии. – У нас свои представления о добре и зле, о справедливости. Мы по-другому относимся к смерти. Каждый из нас готов умереть, если понадобится защитить тех, кому мы предложили свою дружбу. И мы вступим в смертельную схватку с теми, кто нас оскорбляет. Говорят, на зеленых равнинах рая есть только одна гора, и она – для туарегов. Поэтому мы, туареги, при жизни обязаны совершать больше подвигов, чем остальные, чтобы получить право сидеть на ее вершине. Закрой глаза и представь эту гору, сынок».

Он часто вспоминал слова Лейлы и, когда на сердце было тяжело, мысленно взлетал на вершину той самой горы. Ему казалось, что он видит отца рядом с его верным верблюдом Р'Орабом. Отец умиротворенно созерцал пустыню, которая была ему ближе всего великолепия рая.

Его отец стал знаменит благодаря своим геройским поступкам, а посему тот, в ком течет его кровь, просто обязан быть таким же сильным и храбрым.

Набежали тени, наступила ночь, завyli гиены, на горизонте появилась луна.

Полная луна в пустыне восходит насыщенно красной. Она настолько большая, что кажется, вот-вот опалит землю. Поднимаясь выше, она уменьшается в размерах и меняет цвет с красного на желтый, с желтого – на голубой, а потом становится сияюще-белой.

Почему происходят изменения в цвете и по какой причине луна снова начинает расти, когда ночь подходит к концу, было для бедуинов загадкой.

«А что тут непонятного, – говорили одни. – Сначала большая, потому что близко находится, потом поднимется высоко и становится меньше. Потом снова приближается и растет. Антилопы издали тоже маленькие».

«Луна – как козья утроба: там, наверху, сдувается, потому что воздуха недостаточно. А спускаясь, снова надувается», – предполагали другие.

Но Гасель читал в книге, что это – оптический феномен. Размеры Луны и ее расстояние от Земли никогда не меняются. Просто низко над горизонтом она кажется большой.

Как бы то ни было, луна сегодня светила ярко, позволяя Гаселю различать зубчатое очертание гор, где члены его семьи должны были уже найти убежище.

Там, в лабиринте ущелий, которые они столько раз обходили, двигаясь по следам диких коз, его брат Ахамук по чистой случайности обнаружил вход в огромную пещеру, которую позже они назвали Пещерой газелей. Высокая и просторная, в далекие времена она служила надежным убежищем для многочисленного племени. Точно так же, как в массиве Тасилин-Аджер, стены пещеры украшали рисунки животных; возраст рисунков насчитывал тысячи лет. Прежде здесь протекала бурная река, но по каким-то неведомым причинам она исчезла.

Ушла вода, омертвела земля, разбежались звери, ушли и люди. Вход в пещеру невозможно было обнаружить даже при помощи умных приборов европейцев. А посему Гасель Сайях таил надежду на то, что, возможно, у него будет шанс победить в неравном сражении с теми, кого он теперь считал своими врагами. Европейцы были сильнее, но его отец говорил: «Туарегам не пристало сражаться с теми, кто уступает им в силе, так как это недостойно, с какой стороны ни погляди. Против равных также лучше не вступать в бой, потому что здесь все может решить удача, и победа будет лишена достоинства. Истинный туарег должен сражаться только с тем, кто сильнее его, чтобы потом справедливо гордиться своей победой».

Прав ли был отец? Пожив в большом городе, Гасель усомнился. Вроде бы да, прав, но так было лет двести назад, когда из оружия были только кинжалы, винтовки и пушки. А сейчас, когда одна ракета может уничтожить целое поселение, а быстроходные танки довершат все остальное, старый закон не действовал.

В городе Гасель, тогда еще мальчишка, любил бродить по улицам и останавливаться перед витринами, в которых были выставлены телевизоры. Однажды он увидел на экране, как ракеты летят в цель и поражают объекты ночью. Надо думать, с тех пор техника еще больше усовершенствовалась. А у него были старая винтовка «маузер», унаследованная от деда, да горсть патронов к ней. И самый быстроходный его верблюд не может угнаться за вонючим автомобилем европейцев.

Он повернулся и посмотрел на тяжелые, покрытые пылью внедорожники, в стеклах которых множилось отражение луны. Затем перевел взгляд на колеса и поразился их мощи. Вспомнив хрупкие ноги своего любимого *мехари*, Гасель не смог сдержать улыбку. На базаре он слышал историю про муравья, собиравшегося изнасиловать слона. Не напоминает ли он сам этого муравья? Наверное, шайтан шепнул ему сразиться с теми, кто мог позволить себе пустить на ветер столько денег ради глупого каприза первым добраться до Каира...

Луна поднялась высоко и стала маленькой. Гасель закрыл глаза, а когда открыл, разбуженный смехом гиены, диск снова был огромным и почти касался горизонта.

Он определил время, оставшееся до рассвета. Должно быть, его семья уже добралась до пещеры.

Новый день, без сомнений, обещал быть тяжелым.

Как только зарделся рассвет, Гасель тяжело встал и направился к редкому кустарнику, растущему у русла высохшей реки. Там он и его братья еще в первые дни после прихода сюда выкопали надежное убежище, способное укрыть с десятков людей. Это было старым обычаем бедуинов – устраивать убежища для женщин, детей и стариков, где они могли спрятаться в случае опасности. Называли такие убежища «норами фенеков», потому что своим устройством они действительно напоминали норки ушастых лисичек пустыни: с узким входом, большим и глубоким внутренним пространством и с еще одним запасным выходом. Как только заходил последний человек, «нору фенека» невозможно было обнаружить, а те, кто там находился, через смотровую щель могли наблюдать за всем, что происходило снаружи.

Жара в убежище стояла убийственная, воздуха не хватало, но жители Сахары привычны к этому с рождения.

Гасель сел и стал ждать. Он был терпеливым. Время тянулось медленно, жара усиливалась.

Наконец издалека донеслось гудение. Вроде бы с юго-востока, но как Гасель ни напрягал зрение, ни машины, ни облака пыли не заметил.

В конце концов он понял, что это звук легкого вертолета, на несколько минут зависшего над колодцем.

Вскоре вертолет приземлился, из него вышли два человека, а третий остался сидеть в кресле пилота.

Мужчины не были ни полицейскими, ни военными. Один из них, светловолосый и худой, точно был европейцем.

Второй, кудрявый и смуглый, походил на североафриканца. Скорее всего, египтянин.

Гасель Сайях внимательно наблюдал. Мужчины убедились, что в автомобилях никого нет, затем заглянули в колодец, достали ведром воды, понюхали, намочили кончики пальцев, лизнули и, поморщившись, сплюнули.

Смуглолицый громко выругался и начал что-то взволнованно говорить.

Потом они направились к неразобранному шатру и скрылись внутри.

Убедившись, что пилот не смотрит в его сторону, Гасель выскользнул из укрытия и побежал, выбирая «мертвый угол», чтобы его никто не мог заметить.

Он описал широкий круг за могилой Ахамука, подскочил к вертолету, рванул дверцу, не забыв прикрыть лицо краем *тагельмуста*, и тихо приказал:

– Вылезай!

Пилот вздрогнул, однако беспрекословно повиновался.

– *Ас-салям алейкум!* – поприветствовал он Гаселя.

– *Метулем, метулем!* – ответил туарег и показал в сторону шатра. – Кто они?

– Эти люди из оргкомитета ралли. А мои обязанности – пилотировать этой развалюхой.

– Они вооружены?

– Вооружены? – Пилот явно удивился. – Нет, конечно. Кому может взбрести в голову вторгнуться в лагерь туарегов с оружием?

– Одному из ваших взбрело.

– Безумцев повсюду хватает. А в этих гонках таких собралось удручающе много.

Гасель показал пилоту идти к колодцу. Когда до него оставалось менее пяти метров, из шатра вышли мужчины и сразу широко расставили руки, как бы показывая, что пришли с миром.

– *Ас-салям алейкум!* – воскликнул на арабском смуглый. – Почтительно просим твоего гостеприимства, туарег.

– Оно вам предоставлено, если вы явились с миром.

– С миром мы и прибыли, – заверил светловолосый на чистом французском. – Меня зовут Ив Клос, а это господа Ахмед Хабах и Нене Дюпре. Единственное, чего мы хотим, – как можно быстрее утрясти крайне неприятный инцидент.

– В таком случае будет лучше, если мы пойдем внутрь, – сказал Гасель и спросил: – У вас есть вода?

– Естественно!

– Несите!

Светловолосый, который был среди прилетевших главным, махнул рукой пилоту, и тот помчался к вертолету. Задержавшись у люка, он оглянулся и прокричал:

– Кофе тоже нести?

Гасель кивнул, и спустя несколько минут пилот возвратился с канистрой, термосом и несколькими пластиковыми стаканчиками.

Гости разместились в глубине шатра, Гасель сел напротив, положив ружье на колени. Все смотрели друг на друга, ожидая, кто первым начнет переговоры.

– Итак? – решил наконец Ив Клос. – Чего вы добиваетесь, захватив этих людей?

– Я хочу, чтобы свершилась справедливость.

– Понимаю, хотя, как мне кажется, корректным ваш способ достижения цели не назовешь. Похищение – очень серьезное преступление.

– Не более серьезное, чем угрожать оружием мирным людям в их собственном доме и отравлять единственный колодец.

– Понимаю, понимаю, – кивнул Ив Клос, – однако то, что вы сделали, все равно очень серьезное преступление.

– У меня не было выбора. Что бы произошло с моей семьей, если б я не взял заложников? Наши возможности добраться до ближайшего колодца очень ограничены.

– О да, конечно, но те, кого вы задержали, не виноваты в случившемся.

– Я это знаю, поэтому, если будут выполнены мои условия, заложникам не будет причинено ни малейшего вреда.

– И каковы ваши условия?

– Их три.

– Я весь внимание.

– Первое – колодец. Его надо осушить, вычистить и до краев наполнить водой.

– Не проблема. Второе?

– Чтобы ни машины, ни мотоциклы, ни вертолеты здесь больше никогда не появлялись.

– Также не вижу проблем. И третье?

– Мне должны доставить виновных, чтобы я мог наказать их по закону туарегов.

– И что же этот закон гласит?

– Одному из них, который не принимал участия, однако вел себя как трус, я всыплю тридцать плеток.

– Боже милостивый! Какое варварство!

– Таков закон.

– А что вы сделаете со вторым?

– Он получит пятьдесят ударов плетью за отравление воды, а за то, что он угрожал нам оружием, ему отрубят правую руку.

– Отрубить правую руку?! – возмутился светловолосый. – Да вы хоть соображаете, чего требуете?

– Я всего лишь требую выполнения закона.

– Но это закон дикарей!

– Дикарем является тот, кто разрушает чужой очаг, и тот, кто организует дурацкие спортивные соревнования, которые могут стоить жизни заложникам.

Наступила длительная тишина. Переговорщики не ожидали подобных требований.

Наконец, отбросив упавшие на глаза волосы, Ив Клос заявил:

– Вы хоть понимаете, что этого индивидуума невозможно будет убедить явиться сюда, чтобы получить пятьдесят ударов плетью, да еще и лишиться правой руки?

– Охотно верю.

– И?..

– Вы должны решить этот вопрос. Но предупреждаю, если вы его сюда не доставите, то никогда больше не увидите других.

– Не думаю, что вы способны убить невиновных, – подал голос египтянин. – Это противоречит нашему общему вероисповеданию. Коран предписывает...

– Я очень хорошо знаю, что предписывает Коран, – ответил Гасель сухо. – Здесь у нас не так много работы, поэтому я прочел его с десятков раз. Но у туарегов законы намного старше, и их-то я и придерживаюсь.

– Мне это кажется несправедливым...

– А что такое справедливость? Она переменчива, каждый судит по-своему. Слив масло в колодец, тот, кого вы хотите защитить, не думал о том, что люди могут умереть от жажды в пустыне. Я имею в виду свою семью. Но мы, туареги, выживем, а вот другие... Если вы не готовы привести его мне, я сделаю так, что от жажды умрут шестеро европейцев или откуда они там. И можете быть уверены, что вина за эти жертвы падет на ваши головы, не на мою.

– Святое небо! – взмолился Ив Клос. – Вы не знаете, что такое сострадание?

Туарег обвел руками убогий шатер.

– Посмотрите вокруг себя! – сказал он. – Видите, до какой крайности нас довело отсутствие сострадания у мира? Так почему же я должен быть сострадательным к кому-то, если мне едва удастся прокормить семью? О нет, не к кому-то – к тем, кто участвует в этой бессмысленной гонке ради...

– Я думаю, что в тот момент он не осознавал, что делает...

– Он хорошо знал, что делает, – возразил туарег. – Мы для него – ничто, сродни псам, которые путаются у него под ногами.

– Как вы можете так говорить? – возмутился Ахмед Хабах.

– Еще как могу. Сколько людей погибло с тех пор, как начались эти ралли в Африке? Вам цифра известна?

– Ну... около сорока.

– А сколько раненых?

– Не знаю... Сотни... Может, тысячи. Это действительно трудно подсчитать.

– Сорок погибших, сотни, а то и тысячи раненых из-за пустого развлечения... – Гасель покачал головой и добавил: – Настал час покончить со всем этим.

– Но большинство принимает участие в гонках добровольно, – с некоторым смущением произнес Нене Дюпре, пилот вертолета. – Обычно это люди молодые, они бросаются в авантюры, чтобы пережить сильные эмоции.

– Эмоции? – усмехнулся туарег. – Прекрасно! Отчасти благодаря вам эти шестеро узнают, что такое настоящие эмоции. Они узнают, что такое жажда, голод, что такое страх за свою жизнь, они будут без конца думать, умрут ли, как умрут, когда умрут. Не всякая авантюра такое дает.

Снова повисла тишина – переговорщики не знали, какие еще привести аргументы. Этот туарег оказался упрямым...

Ив Клос вытащил из верхнего кармана своей тропической рубахи короткую курительную трубку.

– Ничего, что я закурю? – спросил он. – Мне это помогает думать.

Гасель Сайях пожал плечами, и блондин, набивая трубку, пробормотал:

– Ну и хреновое же дело... Очень, очень хреновое... Я вас понимаю, да, но тот разгильдяй, который хотел заплатить за воду, вероятно, разозлился, когда понял, что кто-то до него воспользовался водой бесплатно... Да и жара, знаете ли...

– Те, кто побывал у нас раньше этого негодяя, не знали, что вода только для питья, а мы не знали, что через наше селение будут проезжать все безумцы полушария.

– Да-да, вы конечно же правы, но не правы по отношению к тем, кто не принимал участия в инциденте и сейчас попал в заложники.

– Все это вы уже говорили, – с едва заметным раздражением напомнил Гасель. – Ситуация ясна с самого начала, и единственное, чего я хочу, – отрубить руку одному, или же я убью остальных. Решайте!

Ив Клос посмотрел на него так, будто не понял. И он действительно не понял.

– Как я могу принять решение относительно столь деликатной темы? – возмутился он. – Я не судья, не следователь, не политик. Я всего лишь чиновник одной из спортивных организаций. Сюда я прилетел, чтобы понять масштаб проблемы. Моя обязанность – информировать о случившемся начальство и местные власти.

– И сколько времени вам на это понадобится?

– Проинформировать – очень мало, однако боюсь, что на принятие решения потребуется по меньшей мере неделя.

– Неделя? – с недоверием повторил туарег. – И вы хотите, чтобы я продержал этих людей неделю без воды? – Он многозначительно пожал плечами. – Я вам гарантирую, что моя семья

не станет делить тот мизер воды, которым мы располагаем, с кем-то, кто, возможно, проживет совсем мало времени.

– У вас нет воды? – переспросил пилот.

– Откуда ей взяться? Я же вам сказал, что колодец отравлен, а той воды, что мы нашли в машинах, надолго не хватит.

– Завтра же я доставлю столько воды, сколько вам нужно! – торопливо произнес Нене Дюпре. – Даже этой же ночью, если понадобится.

Гасель посмотрел на него и едва заметно кивнул:

– Хорошо, я согласен. Завтра привозите столько воды, сколько понадобится вашим друзьям на неделю заточения. Однако прилетите сюда один! – Он обратился к Иву Клосу. – Одна неделя! – повторил он. – Теперь это уже мой срок!

– И что вы потом сделаете? – снова вступил в разговор египтянин, проявлявший меньше всех выдержки. – Прикажете их убить? Со своей стороны мы готовы предложить все что хотите, вы со своей семьей сможете начать новую жизнь там, где выберете, и тем не менее вы рискуете оказаться в тюрьме или, того хуже, – вас приговорят к смертной казни.

– Когда настоящие имохаги получают подобное оскорбление, как получили мы, тюрьмой их не испугать.

– Но мы живем здесь и сейчас, а вы все еще пытаетесь применять законы и обычаи прошлого! Помню, некий туарег вырезал целый гарнизон, спас президента, а потом убил его. Но это произошло очень давно, и, к счастью, методы, выбранные этим туарегом, тоже отошли в прошлое.

– Это был мой отец.

– Как вы сказали? – расширил глаза Ахмед Хабах.

– Туарег, о котором идет речь, который перерезал гарнизон, освободил президента эль-Кебира, а потом по ошибке убил его, был мой отец.

Все застыли. На какое-то мгновение показалось, что они сидят не шатре, а в обледелой палатке посреди Антарктиды.

– Ваш отец?.. – промямлил Ахмед Хабах.

– Я так и сказал.

– Гасель Сайях, легендарный Гасель Сайях, Охотник, был вашим отцом?

– Ну сколько еще повторять? – возмутился имохаг. – Да, он был моим отцом, и я ношу его имя: Гасель Сайях. Как вы думаете, почему мы вынуждены скрываться на краю света?

– Да будет милостив к нам Господь! – взмолился Ив Клос. – Ваш отец!.. Вот теперь-то мы по-настоящему вляпались!

* * *

– Пусть даже у него есть десятая часть мужества от отца и не больше знаний, он добьется своего, так как пустыня его союзница, и нам там действительно делать нечего. Возможно, придется сворачивать ралли, – со вздохом сказал Ахмед Хабах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.